УДК 340.15 DOI:10.22394/2074-7306-1-2-41-53

КАВКАЗСКОЕ И СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ПРАВОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917 – 1920 ГОДЫ)

Зайнутдинов Динар Рафаилович кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП)»
(420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42);
руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний»
(420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Профсоюзная, д. 13/16).
E-mail: knight_1988@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования кавказского и среднеазиатского правовых пространств в период Гражданской войны 1917 – 1920 годов. Цель исследования заключается в выявлении особенностей государственно-правового развития национальных образований Кавказа и Средней Азии. В процессе исследования автором применен историко-правовой метод и метод юридической герменевтики, которые позволили дать оценку событиям и провести анализ нормативно-правового базиса созданных национальных государств. Также автором уделено внимание воздействию религиозных тенденций в процессе развития правовых систем. В заключении сделаны выводы относительно пути развития кавказского и среднеазиатского правовых пространств.

Ключевые слова: *правовое пространство, правовая система, Кавказ, Средняя Азия, обычное право (адат), шариат, исламская правовая система, антибольшевизм.*

На пути к национальной государственности.

Российская империя, установившая свою власть над десятками совершенно разных в правовом развитии народов, была неспособна к установлению универсальной правовой системы. Поэтому нельзя согласиться с В. Д. Зорькиным, который указывает, что Российская империя провела «большую и кропотливую работу по постепенному созданию в стране такого единого правового пространства, которое бережно инкорпорировало бы в себя правовые традиции российских окраин» [1, с. 144]. Правового единства между национальными окраинами Российской империи достигнуто не было. Необходимо особо подчеркнуть, что при отсутствии единого правового пространства Российская империя, в тоже время, являлась суперцентрализованным унитарным государством. Гигантские размеры Российской империи, ее многонациональный и многоконфессиональный состав, при неповоротливом механизме государственной власти, все еще существовавшем к началу XX века, создавало огромные трудности даже для обеспечения формального единства правового пространства, не говоря уже о его реальном функционировании. Нормы имперского права переплетались с нормами местного национального права в Финляндии, Польше, Украине с правовыми обычаями (адатами) на Кавказе, с исламским правом в Средней Азии. Неоднократные попытки российских реформатов (М. М. Сперанский, Александр II, Д. А. Милютин, С. Ю. Витте) преобразовать монархическую империю в империю либеральную, оставались непонятными для бюрократического и великодержавного мышления большей части чиновничества, которое раз за разом после обновлений прибегало к контрреформам. Более того, в начале XX века правовая система

Российской империи все еще продолжала встраиваться в германскую группу романо-германской правовой семьи. Однако для окончательного вступления в нее требовалось выстроить более-менее единое правовое пространство, чего Российской империи сделать так и не удалось.

Наступившая Февральская революция 1917 года запустила мощную демократическую динамику по федерализации правового поля. Неимоверно громко лозунги февраля 1917 года прозвучали в Средней Азии, в которой резко усилились либеральные движения (национальные и религиозно-реформаторские – младобухарское, младохивинское, джадидизм), направленные против авторитарных режимов и господства устаревших норм исламского права. Однако народы национальных окраин опасались, и, отчасти, не без основательно, что на смену либеральной демократии вновь придут идеи империализма и великодержавного шовинизма. Предпосылки этого создавало само Временное правительство, консервативно-либеральные группы и генералитет, отстаивая необходимость продолжения Первой мировой войны, обсуждая предстоящее «расчленение» Османской империи, Австро-Венгрии и дальнейшее продвижение России на Балканы, затягивая процесс признания за народами права на национальное самоопределение.

Роспуск 6 января 1918 года Всероссийского Учредительного собрания поставил перед национальными правительствами окраин наиболее оптимальный вариант – начать строительство независимой государственности и формирование собственной правовой модели, варьируя между антибольшевистским и большевистским курсом.

Если первые два варианта выдвигали требование признания целостности и единства российской государственности, то третий вариант исходил исключительно из приоритета национального государства и его интересов. Также первые два варианта требовали конкретной идеологической ориентации – либо большевистской, либо антибольшевистской; тогда как третий – мог строиться на любом политико-правовом курсе, хотя более был склонен к «враждебному нейтралитету» по отношению к советской власти. Исходя из возможных вариантов построения правового пространства, возникнувшие национальные государственные образования, приступили к созданию независимых структур органов государственной власти и обособлению собственных правовых моделей. В этом отношении для историко-правового исследования весьма интересным представляется анализ процесса формирования кавказского (Грузия, Азербайджан, Армения, северо-кавказские государственные образования) и среднеазиатского правового пространства (Алаш-Орда, Бухарский эмират, Хивинское ханство).

Кавказское правовое пространство.

Кавказский регион, незначительный в территориальном отношении, всегда отличался густонаселенностью, множественностью культур и религий. Историческая судьба прочно связала народы Кавказа. По этой причине, наступивший революционный период 1917 года и последующую Гражданскую войну, кавказские народы встретили достаточно консолидировано. Уже 9 марта 1917 года по инициативе кавказских депутатов Государственной думы, Временным правительством был создан Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ). Председательствовал в нем В.Л. Харламов (кадет), ведущие роли в ОЗАКОМе играли М.Ю. Джафаров (мусаватист), М.И. Пападжанов (дашнак) и А.И. Чхенкели (меньшевик). 6 апреля 1917 года для управления Дагестанским краем ОЗАКОМ образовал особый комиссариат в составе депутатов Государственной думы М.М. Далгата и И.И. Гайдарова. В процессе революционных событий (1917 – 1918 годы) постепенно обрисовываются границы будущих национальных государственных образований, которым было суждено сыграть огромную роль, как в формировании антибольшевистской государственности на «белом» Юге, так и становлении советской России. К таким государственным образованиям следует отнести:

- Грузинскую демократическую республику (май 1918 года – март 1921 года),

- Азербайджанскую демократическую республику (май 1918 года – апрель 1920 года),
- Республику Армению (май 1918 года – декабрь 1920 года),
- Горская республика (май 1918 года – май 1919 года),
- Северо-Кавказский эмират (сентябрь 1919 года – март 1920 года).

Для каждого народа (группы народов) стремление к созданию национальной государственности, и тем более возрождению утраченной, является вполне естественными процессом. В данном отношении Н.А. Бердяев писал: «Всякая нация стремится образовать свое государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации» [2, с. 116]. В тоже время особенностью государственных образований Кавказа являлось то, что все они, по своей сути, представляли союзы народов – грузин, абхазцев, осетин, дагестанцев, чеченцев, балкарцев, карачаевцев, азербайджанцев, армян и других. Это обстоятельство позволяет говорить о формировании кавказского правового пространства, государства которого при развитии правовых моделей имели сходство в трех нижеследующих аспектах.

Во-первых, это сходство выражалось в сильном влиянии норм обычного права на формирующиеся правовые модели данных государств. «В целом неприметная роль обычая существенно варьируется в зависимости от той или иной системы писаного права, но можно с уверенностью сказать, что неявные ожидания, которые составляют обычное право, всегда будут составной частью практической реализации идеала законности» [3, с. 276]. Государственно-правовое развитие народов Кавказа было прервано в результате их присоединения к Российской империи, которая поэтапно интегрировала в общественную жизнь нормы и институты имперской правовой системы. Например, Грузия к Российской империи была присоединена в 1800 году, а «в 1859 г. Законы Вахтанга VI в Грузии были заменены общими законами Российской империи» [4]. Еще одним примером может служить Дагестан. Так, «5 апреля 1860 г. Барятинский утвердил “Проект положения об управлении Дагестанской областью”. Аналогичный документ был принят для Закатальского округа. Реформа обычного права началась с утверждения 5 апреля 1860 г. Кавказским наместником кн. Барятинским “Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом”. Новая судебно-административная система получила название военно-народного управления» [5, с. 41]. Аналогичным образом нормы имперского права внедрялись и в иных областях. Тем не менее, обычное право продолжало играть существенную роль в механизме правового регулирования на Кавказе. Правительства государственных образований Кавказа, в процессе формирования правовой системы в 1917-1920 годы не могли не обратиться к ее национальным корням. Нормы обычного права в данном случае оказывали значимое влияние на процесс правообразования. В частности, В.О. Бобровников отмечает: «Политической раздробленности и этноконфессиональной пестроте края соответствовало многообразие форм обычного права. В социальных полях клана, сельской общины, союза общин, местных ханств адат сочетался с местными интерпретациями правовых норм шариата в его шафиитской и ханафитской редакциях у мусульман или с церковноканоническим правом – у православных христиан и не до конца исламизированных народов» [5, с. 20]. В тоже время нормы обычного права, в значительной степени регулирующие гражданские и семейные правоотношения, а также уголовно-правовую сферу, не отвечали современным на тот момент требованиям при учреждении органов государственной власти, выстраивании их иерархии, разграничении полномочий и тому подобное. Не подходили нормы обычного права и для выстраивания международных правоотношений, в которых «право силы» должно было уступить «праву дипломатии». Поэтому наиболее пристальное внимание в формировании правовой системы правительства государственных образований Кавказа уделяли не частно-правовой, а публично-правовой сфере. Становление законодательной базы конституционного (государственного), административного, финансового, торгово-

го, судебного, международного отраслей права, стало приоритетной задачей. Замена в механизме правового регулирования норм обычного права на законодательные акты вполне объяснима необходимостью экономического развития национальных государств.

«Правовые нормы и юридические обычаи носят на себе печать исторических условий, и в значительной степени зависят от того сложного результата этих последних, который может быть назван национальным характером, национальным духом» [6, с. 93]. Тем не менее, в сфере частного права также можно заметить новые тенденции правообразования. В частности, «в социальной и экономической политике Демократической республики Грузия значительное место занимала аграрная реформа. … Аграрная политика правительства Демократической республики Грузия была рассчитана на подъем фермерского хозяйства, что несомненно должно было привести к экономическому прогрессу в стране» [7]. Схожие реформы проводились и в других кавказских государственных образованиях. Так, к началу марта 1920 года в Азербайджанской демократической республике завершилась разработка «нового проекта "Закона об отчуждении земель частного владения в государственный земельный фонд и об обеспечении землей населения Азербайджанской Республики", который был представлен на рассмотрение правительства. В основу этого законопроекта был положен аграрный закон социал-демократического правительства Грузии, который был принят на вооружение азербайджанской социал-демократией» [8, с. 90]. Правовая позиция парламентариев, в отношении аграрной реформы, исходила из идеи безвозмездного отчуждения земель, что говорило о социалистическом характере преобразований. [8, с. 90] Это в свою очередь говорит о соотношении в кавказском правовом пространстве большевизма и антибольшевизма. Нельзя сказать, что правовые модели кавказских государственных образований были построены на идеях антибольшевизма, но, в то же время, они не принимали однозначный социалистический вектор. Спецификой кавказского правового пространства было сочетание внутри него национальных идей с правосоциалистическим и либерально-демократическим базисом. Кавказские государства были готовы мириться как соседством с «белой» государственностью Юга, так и с советской Россией.

Доминирующее положение нормы обычного права занимали в сознании народных масс, образовательный уровень которых был недостаточно высок, что не позволяло использовать сложные юридические конструкции имперских законов. Более того, сохранение норм обычного права требовала и сама правовая реальность, через которую интеллигенция продвигала идеи о необходимости создания суверенной национальной государственности [9, с. 362].

Во-вторых, правовые системы всех вышеуказанных государства (за исключением Северо-Кавказского эмирата) в правовом развитии ориентировались на германскую правовую группу романо-германской правовой семьи. При этом в принятии данного курса сыграла не только нормативно-правовая база Российской империи, которая также встраивалась в германскую правовую группу, но и начавшаяся глобальная трансформация правовой модели Турции осуществлявшая выход из религиозной (мусульманской) правовой семьи. Свою роль играло и выстраивание международных отношений со странами «Четверного союза» (исключение составляла Армения) – Германией и Турцией. В частности, грузинские историки указывают, что «внешняя политика Демократической республики Грузия была ориентирована на Германию. … Следует отметить, что одной из первых в июне 1918 года де-факто независимость Грузии признала Турция. Большое значение имело де-факто признание независимости Грузии Германией. В мае 1918 года в Поти представители правительств Грузии и Германии подписали военное, экономическое и политическое соглашение между двумя странами» [7]. Более того, германская правовая группа привлекала своим совершенством по сравнению с романской правовой группы, а также тем, что она позволяла в большей части учитывать особенности нацио-

нальной культуры. [10, с. 335] В свою очередь пандектная система (способ систематизации нормативно-правовых актов, заключающийся в том, что нормы подразделяются на общую и особенную, или специальную, части) вызвала то, что юридический язык в германской правовой группе стал значительно профессиональнее, хотя и более сложен для восприятия. Юридическая техника пандектной системы провела не только всеобъемлющую систематизацию источников права, но и четкое разделение материальных и процессуальных норм, что стало явным преимуществом перед институциональной системой романского права. Указанные особенности и положительная реализация новаций германской правовой группы не могли не интересовать кавказских правоведов, стремящихся использовать специфику данной группы в полной мере при развитии собственных правовых систем.

Подчеркнем, что азербайджанская государственность, среди прочих республик Кавказа, отличалась более активным правотворческим процессом. Главным направлением законотворчества стало формирование основных институтов конституционного (государственного) права. Например, 21 июля 1919 года был принят избирательный закон, установивший пропорциональную систему выборов в высший представительный (законодательный) орган государственной власти, 11 августа 1919 года был принят «Закон об азербайджанском гражданстве», 30 октября 1919 года принят «Устав о печати», установивший свободу слова и запретивший цензуру, а также целый ряд других нормативно-правовых актов. Законодательство Азербайджанской демократической республики было достаточно демократично для своего времени. В правовой системе прослеживались однозначные тенденции, направленные на ее поэтапное встраивание в германскую правовую группу. Также стоит отметить, высокий уровень качества нормативно-правовых актов, принимаемых Азербайджанской демократической республики, что во многом объясняется квалифицированным депутатским корпусом. «По форме правления Азербайджанская Демократическая Республика 1918 – 1920 гг. была классическим примером парламентской республики, опирающейся на принципы политического плюрализма и многопартийности. … Азербайджанский парламент не только был наделен верховной законодательной властью, но и обладал правом формировать и контролировать исполнительные структуры во главе с правительством» [9, с. 364].

В-третьих, влияние церкви и духовенства на общественно-политическую жизнь народов Кавказского региона было в значительной степени намного сильнее, чем на территории любой другой национальной окраины (не считая Средней Азии). Однако, подход правящих кругов к вопросу о соотношении религии и государства, в республиках Кавказа был далеко не одинаков. За светский характер государства выступала Азербайджанская демократическая республика. Так, А.Г. Балаев пишет: «Составной частью процесса нациестроительства в Азербайджане было утверждение принципов секуляризма в общественно-политической жизни общества. Азербайджанские лидеры прекрасно осознавали пагубность клерикализма для становления зарождающейся национальной идентичности. Поэтому они выступали за вытеснение или, в крайнем случае, за максимальное ограничение деятельности клерикалов в общественно-политической жизни общества, естественно, за исключением сфер, имеющих непосредственное отношение к отправлению религиозного культа» [9, с. 368]. Идеи светского государства принципиально поддерживала национальная интеллигенция, для которой развитие азербайджанской государственности могло происходить исключительно в рамках республиканской формы правления. В тоже время, среди государств Кавказа, наименьшее влияние церкви и духовенства на государственную власть было в Грузии. Это обстоятельство объяснимо тем фактом, что 12 марта 1917 года православные грузины приняли решение о восстановлении автокефалии своей Церкви. Тем самым, основное внимание духовенства было приковано к оформлению церковной автономии, а не к борьбе за влияние на курс государственно-правового развития.

Немалую роль мусульманское духовенство играло на территории Северного Кавказа. «15 ноября 1917 г. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана провозгласил Горскую республику, включавшую все горские народы, а также ногайцев и туркмен на территории от Каспийского до Черного моря, включая Ставрополье, Кубань и Черноморье» [11, с. 371]. Позже, 11 мая 1918 года Горская республика объявила о своей независимости. Однако, Горская республика, находясь под сильным политическим давлением, с одной стороны, «белого» режима Юга, а, с другой, советской России, так и не смогла приступить к плодотворному государственно-правовому развитию. В сентябре 1919 года Горская республика прекратила свое существование вследствие наступления Вооруженных сил Юга России. Однако, некоторые исследователи отмечают, что «на самом деле скорее можно говорить об идее Горской республики, а не о самом государстве как таковом» [12, с. 10]. И все же, наличие территории, населения, власти, а также определенной нормативно-правовой базы, позволяет говорить о существовании горской государственности. «После роспуска горского правительства Узун-Хаджи создал в сентябре 1919 г. Северо-Кавказский эмират в Чечне и Западном Дагестане со столицей в чеченском селе Ведено, сформировал правительство и военный штаб для борьбы с деникинцами» [11, с. 373]. В развитии правовой модели Северо-Кавказского эмирата были установлены ориентиры на исламскую правовую систему, которая наиболее ярко выразилась в возрастании роли шариатской юстиции. «На введение шариата делали ставку самые разные политические силы, в частности дагестанский политический и религиозный деятель, убежденный враг большевизма, Надж-уд-дин Гоцинский, видевший в шариатском правосудии единственное средство удержать Кавказ от разгула преступности и ужасов братоубийственной гражданской войны» [5, с. 57]. Как не парадоксально, но развитие исламского права на Северном Кавказе поддерживала светская власть, хотя причиной этого, конечно, являлась всего лишь политическая целесообразность. «С поддержкой судов шариата для мусульман выступали С.М. Киров, руководивший партийной работой в Закавказье и И.В. Сталин, отвечающий, в том числе, и за национальную политику большевиков» [13, с. 229]. Так, В.О. Бобровников отмечает: «Пока советская власть была слаба, большевики пытались привлечь на свою сторону местные мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату» [5, с. 58]. Однако после победы в Гражданской войне, советская власть постепенно стала сворачивать свой курс поддержки системы шариатских судов.

Подытоживая отметим, что кавказское правовое пространство образовывали три государства: Грузинская демократическая республика, Азербайджанская демократическая республика и Республика Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горская республика). Указанные государственные образования по вопросам проведения внешней политики, в целом, принимали консолидированные решения. Так, Дж.П. Гасанлы пишет: «Неизменная политика азербайджанского правительства в отношении Союза горцев, добровольцев Деникина, сотрудничества с Грузией благоприятно встречалась азербайджанскими делегатами в Версале. Не сговариваясь, азербайджанские политики в Баку и в Версале действовали синхронно» [14, с. 398]. Нельзя не отметить, что Республика Армения, несомненно, являясь одним из ключевых участников кавказской политики, тем не менее, так и не стала активным участником по формированию кавказского правового поля. Даже на Парижской мирной конференции (18 января 1919 года – 21 января 1920 года) Армения не поддерживала позиции иных государственных образований Кавказа, которые выступали единым фронтом. В этом отношении В.Ж. Цветков отмечает: «Армения тесно сотрудничала со ВСЮР и категорически отказалась присоединиться к грузинско-азербайджанскому союзу» [15, с. 283]. Лавируя между идеей создания «Великой Армении», то есть национальной государственностью, и союзом с «белой», а позже советской Россией, она, в итоге, также, как и другие кавказские государства, утратила свой суверенитет. Сотрудничество с «белым» режимом Юга России не принесло Армении

государственного суверенитета. Очевидно, что если бы Армения активно включилась в строительство кавказского правового пространства, то это бы не только обеспечило его монолитность, но и существенно повысило шансы сопротивляемости к надвигающейся советизации.

Среднеазиатское правовое пространство.

В имперском правовом пространстве Средняя Азия выделялась как уникальный в правовом отношении регион. Если иные национальные окраины Российской империи являлись составной частью романо-германской правовой семьи (германским и скандинавским ответвлениями), то правовые модели государственных образований Средней Азии входили в религиозную (мусульманскую) правовую семью. Нормы исламского права, пребывавшие в практически неизменном состоянии на протяжении веков, серьезно усложняли жизнь среднеазиатского населения. Хотя с созданием Туркестанского генерал-губернаторства «были ликвидированы старые традиционные институты управления, архаичные нормы мусульманского права за исключением тех, которые были сохранены за ведомством народного суда» [16, с. 37], но, тем не менее, правовое поле среднеазиатского региона до конца 1920 года представляло собой сложную конструкцию из встроенных в мусульманскую правовую систему норм имперского права. Изучая правовое положение Туркестана Ф.Т. Тухтаметов писал: «Положительным моментом следует признать введение русской властью в Туркестане светского имперского права. Ряд законоположений установили основные начала судебного устройства, поземельного, урегулировали виды налогов и их размеры, земские повинности, а также урегулировали вопросы пользования природными ресурсами края. Таким образом, новое для региона законодательство регламентировало все стороны хозяйственной и политической жизни местного населения. Кроме специальных актов в Туркестане отчасти стали применяться общеимперские нормы и правила» [16, с. 37 –38]. Не менее важными были новшества, принесенные Российской империей в область уголовного права Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Например, Р.Ю. Почекаев отмечает: «Российские власти старались внести изменения в сфере уголовно-правовых и процессуальных отношений в Бухарском эмирате. … При этом имперские власти настаивали на отказе эмирской администрации от жестоких наказаний за ряд преступлений и до определенной степени преуспели в этом: вскоре после вступления на престол эмир Абдул-Ахад отменил самое варварское наказание – сбрасывание с минарета, а также закрыл зиндан – подземную тюрьму при своем дворце, перестал превращать казни в некое подобие общественных празднеств» [17, с. 515 – 516]. Тем не менее, несмотря на российский протекторат, среднеазиатские народы по отношению к власти находились практически в бесправном положении. Еще востоковед Д.Н. Логофет отмечал: «Наша дипломатия в действительности в своей политике по отношению Бухары оказалась покровительницей дикого произвола, полного бесправия, поставившего трехмиллионное население на степень несравненно худшую, чем положение крепостной зависимости» [18, с. 8]. Даже либеральные реформы Временного правительства в области упорядочения системы налогообложения, борьбы с коррупцией, местного самоуправления и народного представительства, не смогли кардинально изменить правовую модель среднеазиатских государств. Таким образом, невозможно говорить о полном включении Средней Азии в имперское правовое пространство, хотя тенденция правовой интеграции значительно усилилась в первом десятилетии XX века.

Революционные события 1917 года задали совершенно обратную динамику в Средней Азии, активизировав процесс ускоренного выхода региона из правового поля России. В отличие от северо-прибалтийского, западного или кавказского правового пространств, особенностью среднеазиатского правового поля являлось то, что имперская нормативно-правовая база данному правовому пространству была не нужна. В частности,

если Алашская государственность стремились к образованию правосоциалистической правовой модели, и даже не исключала присоединения к волго-уральскому правовому пространству Комуча, то в тоже время Бухарский эмират и Хивинское ханство пытались возвратиться в лоно исламской правовой системы. Хотя значительная часть среднеазиатского правового пространства (Бухарский эмират и Хивинское ханство) на момент Гражданской войны уже имела достаточно самостоятельные правовые системы, но, тем не менее, их качество оставляло желать лучшего.

Среднеазиатские государственные образования активно контактировали с антибольшевистским режимами России – Комуч, Временное Сибирское правительство, Закаспийская область, «белая» Россия. Огромное значение в усилении антибольшевистских настроений в среднеазиатском обществе сыграла ликвидация Кокандской (Туркестанской) автономии (27 ноября 1917 года – 22 февраля 1918 года). Справедливо пишет С.М. Исхаков: «Разгром Кокандской автономии, несомненно, произвел впечатление на мусульман в других местах страны. Им стало ясно, что подобное может повториться с ними» [19, с. 468]. Историческая важность Кокандской автономии для самоопределения народов Средней Азии, безусловно, велика. Так, П.А. Алексеенко отмечал: «Из Коканда краевой совет мусульман поддерживал тесную связь со всеми городами Туркестана: Ташкентом, Самаркандом, Андижаном и т. д. Судя по некоторым данным, нужно думать, что уже в это время была установлена связь с контрреволюционными группировками Закавказья и с Дутовым» [20, с. 20]. П.А. Алексеенко также выделял, что «Кокандская-Ферганская автономия была движением далеко не местным. Это – общетуркестанское движение, которое в свое время охватило все районы Туркестана и втянуло всю туркестанскую буржуазию, независимо от национальности. Но по мере своего развития это движение постепенно втягивало и другие слои населения Туркестана» [20, с. 27]. Тем не менее, кратковременный период существования Кокандской автономии для среднеазиатского правового пространства стал чрезвычайно важным, так как представил уникальный вариант развития правовой системы государств региона в рамках правосоциалистических доктрин. В дальнейшем правосоциалистическая ориентация проявилась и в государственности Алаш-Орды. Именно поэтому, наибольших успехов в аспекте права самоопределения смогла добиться Алаш-Орда, которую Комуч однозначно признал в качестве территориальной автономией, после которого казахское правительство вплотную приступило к реализации проекта национальной государственности. Так, в Воззвании Комуча «К тюрко-татарскому народу Государства Российского» от 8 сентября 1918 года было указано: «Признание прав культурно-национальной автономии за всеми тюрко-татарами России отнюдь не умаляют прав на территориально-политическое самоуправление областей Российского государства с преобладающим мусульманским населением, как, например: Туркестан, Алаш-Орда, Башкирия»[1]. Вскоре, 25 сентября 1918 года Комучем была издана Декларация «Об отношении к автономии Алаш-Орды», согласно которой было установлено: «Впредь до утверждения Положения о правах автономной области Алаш автономия последней временно признается Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания»[2]. Издав данный декларативно-учредительный акт конституционного характера, начался процесс интеграции правосоциалистических доктрин в среднеазиатское правовое поле. Однако этот процесс был прерван в результате государственного переворота 18 ноября 1918 года и рождением «белой» России.

Национальную политику Российскому правительству было легче строить с консервативно-либеральными режимами Хивинского ханства и Бухарского эмирата, нежели с представителями социально-демократических национальных правительств – Башкирии и

[1] Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 8 сентября. № 51.

[2] Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 25 сентября. № 61.

Алаш-Орды. Идеи консервативного либерализма и даже либеральной демократии в большей степени устраивали государственность Хивы и Бухары. «В Туркестане белые стремились создать единый фронт от Кавказа до Сибири» [21, с. 105]. Данный факт вызвал новый виток обособления среднеазиатского правового пространства. Российское правительство решило сделать основную ставку в рамках взаимодействия с мусульманским антибольшевистским движением, которое сосредотачивалось в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. «Осенью 1919 г. Колчак подписал две грамоты: бухарскому эмиру (25 сентября 1919 г.) и хивинскому хану (30 сентября 1919 г.). В них от имени Российского правительства и Верховного Правителя России гарантировалось сохранение прежнего (до октября 1917 г.) статуса эмирата и ханства под "исключительным покровительством Российского государства"» [15, с. 303]. С этими режимами Российское правительство хотя и стремилось построить платформу общенационального единения и выработать курс общероссийского антибольшевизма, но оно не покушалось на их правовое обособление. «В Туркестане, где наиболее явным фактором коллективной идентичности местного населения была общность веры, исключающая европейскую иммиграцию, во главе политического движения мусульман оказались не улемы, стоящие на защите мусульманской духовной жизни, а те, кто ощущал себя ближе всего к русским» [22, с. 113]. Это специфическим образом повлияло на политический курс Бухарского эмирата и Хивинского ханства – установление внешнеполитического ориентира на взаимодействие с «белой» Россией, а проведение правовой политики на усиление интеграции исламскую правовую семью.

В отличие от других национальных окраин, Бухарский эмират и Хивинское ханство уже имели правовую систему, хотя и зависимую от Российской империи, и в период 1918 – 1920 годов «самым насущным для эмирата был вопрос экономической независимости» [23, с. 129]. По этому поводу А.И. Пылев пишет: «Эмиру удалось добиться частичной ликвидации пограничных постов на Амударье, тем самым была обеспечена возможность широкого ввоза в Бухару из Афганистана английских товаров» [23, с. 130]. Усиление правового регулирования экономики стало важной частью правотворчества в обособляющемся среднеазиатском правовом пространстве. Это вызвало необходимость создания нового механизма правового регулирования в вопросах продовольствия, землепользования и водопользования. Уже к концу 1917 года в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве резко сократились поставки продовольствия (в особенности зерна) из России. «Отмечался и рост цен. Покупательная способность крестьян Бухары снизилась более чем на 50 %» [23, с. 83]. В Средней Азии набирал обороты голод. [22, с. 225] Для стабилизации экономики и борьбы с голодом были задействованы и личные средства среднеазиатских монархов. Голод непосредственно влиял на снижение главного источника доходов в государственную казну – мусульманское население бросало работы на хлопковых полях в поисках пропитания. В сфере земельных правоотношений совершенствовался механизм правового регулирования в части использования пастбищ и порядка ирригации земель. Тем не менее, трансформация механизма правового регулирования постоянно сталкивалась с различными проблемами, главной из которых являлась крайняя неподвижность исламского права, его высокая сопротивляемость правовым новациям. Более того, усиление исламизации правовой системы не только способствовало обособлению среднеазиатского правового поля, но и позволяло бороться с прогрессивным общественно-политическим движением мусульманской интеллигенции – младобухарским, младохивинским, джадидизмом, выступавшим за светский путь развития правовой системы.

Справедливо писал Акдес Нигмет Курат: «Туркестан, который с географической точки зрения имел благоприятное для полного отделения от России местоположение, сохранял свою независимость недолго, так как здесь отсутствовали национальные кадры, военная организация была очень слабой, к тому же помощь извне не поступила. Бухарское и Хивинское ханства оказались слабыми и не смогли обеспечить национальное единство Туркестана» [24, с. 474]. Если правовому развитию Кокандской автономии и

государственности Алаш-Орды мешали непосредственные военные действия со стороны советской России, то полному правовому обособлению Бухарского эмирата и Хивинского ханства препятствовала закостенелость исламской правовой системы.

Выводы.

Проведенный анализ четырех правовых пространств, формировавшихся на окраинах бывшей Российской империи, позволяет сделать определенные выводы. Провозглашенный большевиками «федерализм» и громкие заявления о самоопределении в процессе разрастания Гражданской войны были легко забыты, а нормативно-правовые акты такие, как «Декрет о мире»[1], «Декларация прав народов России»[2], «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока»[3], «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»[4], были сведены к квази-правовым инструментам, не имеющим обязательной юридической силы. Военные действия советской власти против национальных окраин на протяжении 1917 – 1921 годов, свидетельствуют, что советская власть не стремилась к практической реализации провозглашенного права наций на самоопределение. Активно вмешиваясь во внешнюю и внутреннюю политику национальных правительств, большевики желали включить национальные государственные образования в лоно будущей единого социалистического государства.

На начальном этапе формирования кавказского правового пространства (1917 – 1920 годы) шло в русле развития государственного (конституционного) права, как права, определяющего основы правовой системы. В тоже время развивающееся среднеазиатское правовое пространство большее внимание уделило реформе финансового и бюджетного права. Остальные отрасли публичного (административное, муниципальное, уголовное) и частного (гражданское, наследственное, земельное) права начали свое становление несколько позже. Формирование правового пространства напрямую зависело от территориального расположения того или иного государственного образования, удаленности от советской власти, правосознания народных масс, уровня правовой культуры.

Литература

1. *Зорькин В. Д*. Правовой путь России. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2014. Вып. 8. 192 с.
2. *Бердяев Н*. Философия неравенства. М.: АСТ; АСТ Москва: Хранитель, 2006. 349 с.
3. *Фуллер Лон Л*. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.: Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 308 с.
4. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. 976 с.
5. Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V– начала XX в. Т.II. В царской и ранней советской России / Сост. и отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. Дом Марджани, 2009. 272 с.
6. *Виноградов П. Г*. Очерки по теории права. изд. 2-е. репринтное. М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.
7. *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М*. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1993. 172 с.

[1] Декрет о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 года // Декреты Советской власти. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). № 11.

[2] Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года // Декреты Советской власти. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). № 9. С. 39 – 41.

[3] Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока от 20 ноября (3 декабря) 1917 года // Декреты Советской власти. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). № 80 С. 113 – 115.

[4] Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 года // Декреты Советской власти. Том 1. (25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.). №214. С. 314 – 323.

8. Азербайджанская Демократическая Республика / Отв. ред. Н. Агамалиева. Баку: «Елм», 1998. 316 с.
9. *Балаев А. Г*. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX-XX вв. М.: ООО «ТиРу», 2012. 403 с.
10. *Бехруз Х*. Сравнительное правоведение. О.: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2008. 504 с.
11. *Исхаков С. М*. Гражданская война и мусульмане // Россия в годы Гражданской войны, 1917 – 1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов; Рос. ист. о-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 361 – 407.
12. *Вачагаев М. М*. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917 – 1920. М.: Центрополиграф, 2018. 351 с.
13. *Рассказов Л. П.* К вопросу о вхождении Северного Кавказа в Россию. Особенности зарождения и функционирования мусульманского права на Северном Кавказе // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2015. №111. С. 212 – 235.
14. *Гасанлы Дж. П*. Русская революция и Азербайджан: Трудный путь к независимости (1917–1920): монография. М.: Флинта, 2011. 664 с.
15. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917 – 1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. 520 с.
16. *Тухтаметов Ф.* Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование: автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2000. 34 с.
17. *Почекаев Р. Ю.* Российский протекторат над Бухарой в оценках Бухарской элиты конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 508 – 527.
18. *Логофет Д. Н.* Страна бесправия: Бухарское ханство и его современное состояние. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 248 с.
19. *Исхаков С. М*. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд.-во «Социально-политическая МЫСЬ», 2004. 600 с.
20. *Алексеенко П.* Кокандская автономия. Ташкент: Изд-во «Узгиз», 1931. 75 с.
21. *Пушкарев Б. С.* Две России XX века. Обзор истории 1917 – 1993 гг. / Соавторы К. М. Александров, С. С. Балмасов, В. Э. Долинин, В. Ж. Цветков, Ю. С. Цурганов, А. Ю. Штамм. М.: Посев, 2008. 592 с.
22. *Бруттино Марко.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. Пер с итал. Н. Охотина. М.: «Звенья», 2007. 448 с.
23. *Пылев А. И*. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917 – 1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 192 с.
24. *Курат А. Н.* Собрание сочинений. Книга 4. Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII века до Войны за независимость Турции (1798 – 1919) / Отв. ред. Л.И. Шахин. Казань: Инст. истр. им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 852 с.

Zaynutdinov Dinar Rafailovich, candidate of legal sciences, assistant professor, assistant professor of the department of theory of state and law and public disciplines, «Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)» (42, Moskovskaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation);
head of legal department, «Institute of Social Sciences and Humanities» (13/16, Profsoyuznaya str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation).
E-mail: knight_1988@mail.ru

CAUCASIAN AND CENTRAL ASIAN LEGAL SPACE DURING THE CIVIL WAR (1917 – 1920)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the process of formation of the Caucasian and Central Asian legal spaces during the Civil War of 1917 – 1920. The purpose of the study is to identify the features of state-legal development of the national entities of the Caucasus and Central Asia. In the course of the study, the author applied the historical-legal method and the method of legal hermeneutics, which made it possible to evaluate the events and analyze the legal basis of the created national states. The author also paid attention to the impact of religious trends in the development of legal systems. In conclusion, conclusions are made regarding the development of the Caucasian and Central Asian legal spaces.

Keywords*: legal space, legal system, Caucasus, Middle Asia, customary law (adat), sharia, islamic legal system, anti-bolshevism.*

References

1. Zor'kin V. D. Pravovoj put' Rossii. M.: ZAO «Bibliotechka RG», 2014. Vyp. 8. 192 s.
2. Berdyaev N. Filosofiya neravenstva. M.: AST; AST Moskva: Hranitel', 2006. 349 s.
3. Fuller Lon L. Moral' prava / per. s angl. T. Danilovoj. M.: CHelyabinsk: IRISEN, Socium, 2016. 308 s.
4. Pravovye sistemy stran mira. Enciklopedicheskij spravochnik / Pod red. A.YA. Suhareva. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2003. 976 s.
5. Obychaj i zakon v pis'mennyh pamyatnikah Dagestana V– nachala XX v. T.II. V carskoj i rannej sovetskoj Rossii / Sost. i otv. red. V.O. Bobrovnikov. M.: Izd. Dom Mardzhani, 2009. 272 s.
6. Vinogradov P. G. Ocherki po teorii prava. izd. 2-e. reprintnoe. M.: LENAND, 2015. 160 s.
7. Vachnadze M., Guruli V., Bahtadze M. Istoriya Gruzii (s drevnejshih vremen do nashih dnej). Tbilisi: Tbilisskij gosudarstvennyj universitet, 1993. 172 s.
8. Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika / Otv. red. N. Agamalieva. Baku: «Elm», 1998. 316 s.
9. Balaev A. G. Azerbajdzhanskaya naciya: osnovnye etapy stanovleniya na rubezhe XIX – XX vv. M.: OOO «TiRu», 2012. 403 s.
10. Bekhruz H. Sravnitel'noe pravovedenie. O.: Feniks; M.: TransLit, 2008. 504 s.
11. Iskhakov S. M. Grazhdanskaya vojna i musul'mane // Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917 – 1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii / Otv. red. D.B. Pavlov; Ros. ist. o-vo; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. S. 361 – 407.
12. Vachagaev M. M. Soyuz gorcev Severnogo Kavkaza i Gorskaya respublika. Istoriya nesostoyavshegosya gosudarstva. 1917 – 1920. M.: Centropoligraf, 2018. 351 s.
13. Rasskazov L. P. K voprosu o vhozhdenii Severnogo Kavkaza v Rossiyu. Osobennosti zarozhdeniya i funkcionirovaniya musul'manskogo prava na Severnom Kavkaze // Nauchnyj zhurnal KubGAU – Scientific Journal of KubSAU. 2015. №111. S. 212-235.
14. Gasanly Dzh. P. Russkaya revolyuciya i Azerbajdzhan: Trudnyj put' k nezavisimosti (1917–1920): monografiya. M.: Flinta, 2011. 664 s.
15. Cvetkov V. ZH. Beloe delo v Rossii. 1917 – 1918 gg. (formirovanie i evolyuciya politicheskih struktur Belogo dvizheniya v Rossii). M., 2008. 520 s.
16. Tuhtametov F. T. Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossijskoj imperii: vtoraya polovina XIX veka: Istoriko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk: 12.00.01. M., 2000. 34 s.
17. Pochekaev R. YU. Rossijskij protektorat nad Buharoj v ocenkah Buharskoj elity konca XIX – nachala XX v. // Vestnik RUDN. Seriya: YUridicheskie nauki. 2017. T. 21. № 4. 508–527.
18. Logofet D. N. Strana bespraviya: Buharskoe hanstvo i ego sovremennoe sostoyanie. Izd. 2-e. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 248 s.

19. Iskhakov S. M. Rossijskie musul'mane i revolyuciya (vesna 1917 g. – leto 1918 g.). 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd.-vo «Social'no-politicheskaya MYS'», 2004. 600 s.
20. Alekseenko P. Kokandskaya avtonomiya. Tashkent: Izd-vo «Uzgiz», 1931. 75 s.
21. Pushkarev B. S. Dve Rossii XX veka. Obzor istorii 1917 – 1993 gg. / Soavtory K. M. Aleksandrov, S. S. Balmasov, V. E. Dolinin, V. ZH. Cvetkov, YU. S. Curganov, A. YU. SHtamm. M.: Posev, 2008. 592 s.
22. Bruttino Marko. Revolyuciya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdu padeniem carskoj imperii i obrazovaniem SSSR. Per s ital. N. Ohotina. M.: «Zven'ya», 2007. 448 s.
23. Pylev A. I. Politicheskoe polozhenie Buharskogo emirata i Hivinskogo hanstva v 1917 – 1920 gg. Vybor putej razvitiya. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005. 192 s.
24. Kurat A. N. Sobranie sochinenij. Kniga 4. Turciya i Rossiya: turecko-rossijskie otnosheniya s konca XVIII veka do Vojny za nezavisimost' Turcii (1798 – 1919) / Otv. red. L.I. SHahin. Kazan': Inst. istr. im. SH. Mardzhani AN RT, 2016. 852 s.

УДК 34.03 DOI:10.22394/2074-7306-1-2-53-56

О ПОНИМАНИИ МЕРЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Радачинский Юрий Николаевич кандидат юридических наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: radachinskiy@uriu.ranepa.ru

Курочкин Андрей Викторович кандидат юридических наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: zam.director@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена попыткам переосмысления сущности юридической ответственности в теории права и упорядочиванию понятийного аппарата в соответствии с ее новым пониманием. Исходной предпосылкой исследования является представление о юридической ответственности как сложном интегративном качестве человека. Такой подход к ее пониманию был обоснован в ранее опубликованных работах.

Ключевые слова*: юридическая ответственность, проблемы теории государства и права, позитивная ответственность, ретроспективная ответственность, правовая система, мера юридической ответственности, субъект права, реализация юридической ответственности.*

Настоящая статья является логическим продолжением исследования юридической ответственности как интегративного качества человека. С результатами подобного подхода к ее познанию можно ознакомиться в ранее опубликованных авторских работах. Изменение сущностного понимания юридической ответственности требует пересмотра всего терминологического аппарата ее теории. Если юридическая ответственность яв-